

Елена Боришполец

«На Пушкинской стоят дома...»

Боинг

Из цикла «Адрес – Одесса»

У того, кто меня хранит, есть тайный подземный ход.
В нем дышат: Боинг, Набоков, снегоход,
И столько всего от винта живет,
Что сердце его не выманишь и за высокосный год,
Оно тоже летает и пишет про свой полет.

У них на двоих одно ремесло и стареньких два станка,
Ковер-самолет, иск, неявка ответчика,
Пропуск без отпуска, до звонка,
Красный октябрь и паспорт разведчика
С липким налетом и смятием уголка.

Море просит принять на ночлег с багажом и без,
Переспать без справки, без денег – за интерес.
Завязать глаза и выгрузить на развес:
Всякой всячины из-под заморских цветных небес
Или хоть на платъице Сарочке бы отрез.

Мы босые дети в его расписном доме,
Смотрим на вечного Дюка и переживем чуму,
Он предложит, и я у него займу,
По крови, на пристани, по уму.
Все, что он мне, как только смогу – ему.
Раздавайте. Удваиваю и сорву.

Адрес – Одесса

Я каждую ночь слышу, как на Пушкинской спят дома
И как им разрывает крышу на застывшие в них слова.
Как они уплывают в море и причаливают к утру,
И как старые чайки спорят и воруют у рыб икру.
Мне приходится быть дикой и маршруты свои менять,
Город, будь, и во мне тикай, разрывайся и будь опять.
Приходи по мою душу через сотни твоих лет,
Заплетать за мои уши то, чего у других нет.
Продавай мне свои карты, срок которым один день,
И фальшивь на чужих стартах, а на главном уйди в тень,
Под упавшие в ню платаны, забирая меня с собой,
Нарезать по обетованной навигатором сектор «зной».
Увеличивай мой трафик, отправляй меня факсом прочь,
Утверждай мой горящий график и жалей, как дурную дочь.
Продлевай для Привоза сроки и засаленный мой контракт,
Выжимай из меня соки и утесовский южный такт.
Город, не предавай меня, узнавай меня,
Будь моим голодом, пристанищем и Царем,
Рождайся день от дня и дождись меня,
Мы только вместе, друг в друге умрем.

Место под солнцем мертвых

Памяти Веры Инбер

В неповрежденной временем бухте
Песни ложатся погреться в солнечную петлю,
И на их волне я ловлю:
Город-море и тебя на коммунальной кухне,
Распростершего руки новому кораблю.

Мы – осадки, мы выпадем непременно,
За поворотом под стертые шины слов.

У смотрящего глаз готов,
Он видит и спотыкается одновременно
О шлифовщиков звуков и разных кривых углов.

Он запишет твои недостатки речи,
Совести, кроя платья и слога по временам.
Я, поэт, тебя никому не отдам
И в памяти путь твой и страхи отмечу,
Проложенные по пунктам и пристальным городам.

И если бы нам давали чужую кожу
И расставлять на ней позволяли знаки,
Я бы, как юнга, любила тоже –
Мертвую девушку на берегах Нагасаки.

Хранитель времени

Олегу Губарю

Ветошь к ветоши, половину тебя и меня
Собирай за флажками живых городских котлованов.
Свалки и штофы: пряничная родня,
Много и пусто, и никогда не рано.

Волка в степи сохраняют: собачий нюх,
Крепкие ноги и дикая печень с вороньей кровью.
Эти четыре – больше в два раза двух,
Кормят его и уносят всегда с любовью.

Тихо живет ключ тарабарского короля,
До городских ворот в шагреневого стертой шкурке.
Это его не сказочная земля
И время сбегает в нее, как кофеин из турки.

